Из-за этого тяжелого бремени он даже не думал сближаться с кем-либо — будь то друзья или возлюбленные.

Есть, пить, спать.

У нормальных людей есть свои потребности, у психически больных — тоже.

Например, прямо сейчас.

Но сейчас явно не самое подходящее время разбираться с собственными желаниями.

Стоя под душем в ванной, он отчетливо слышал доносившееся снаружи ха-ха-ха от коротких видео, которые листала Кэла.

Однако Цинь Минь действительно задел его за живое.

Та капелька пота, что застряла у него в вороте, заставила его мысли пуститься вскачь.

Он думал о тех, с кем спал Цинь Минь, и начинал завидовать этим людям.

Сколько их было? Один? Двое? Или так много, что и не сосчитать?

Что те люди могли увидеть?

Как дышит Цинь Минь? Как смотрит на людей?

Становится ли его кожа красной и горячей?

Как он потеет?

Счастлив ли Цинь Минь?

Он прекрасно понимал, что все эти фантазии в его голове — сплошная ложь, но все равно не мог удержаться от того, чтобы не выстраивать в мыслях пункты два, три, чотыре.

Хэ Линьнань сглотнул слюну и запрокинул голову навстречу водяным струям. Вода забарабанила по глазам, жжение затуманило зрение, и сквозь эту пелену он нащупал рукой трубу, провел по ней вниз до рычажка душа и надавил на него.

Немного придя в себя, он вытерся полотенцем, натянул футболку со штанами и вышел из ванной.

Разобраться с собой так и не удалось, внутри всё ныло и саднило от нереализованного напряжения. Тело стало чувствительнее обычного: стоило принять душ, как синяки и ушибы, оставленные Крабом, словно обрели вторую жизнь — ныли суставы, болели мышцы, пощипывало лицо, целый праздничный пир из боли.

Кэла оторвала взгляд от экрана телефона, и все, что она хотела сказать, было написано у нее на лице: например, почему это ты после душа вышел одетый с иголочки или почему ты мылся так долго, и все в таком духе.

Но в конце концов Кэла ничего не сказала, только отложила телефон, протянула ему тюбик мази и сунула прямо под нос:

— Держи.

Хэ Линьнань скользнул взглядом по тюбику и узнал его: это была та самая мазь, которую ему когда-то пытался дать Цинь Минь, а он швырнул ее обратно Кэле.

Взяв мазь, он пошел в туалет и намазался перед зеркалом. Выйдя оттуда, он обнаружил, что Кэла уже накрылась одеялом, повернувшись боком к стене, собираясь спать.

Комната была довольно просторной: две кровати, одна слева, другая справа. Левая примыкала к левой стене, правая — к правой. Расстояние между ними было максимальным, и если бы захотелось отодвинуть их еще дальше, пришлось бы ставить по диагонали комнаты, но это нереально — дверь заблокирует.

Хэ Линьнань присел на корточки перед рюкзаком, расстегнул молнию и вытряхнул одежду, чтобы повесить в шкаф.

Вещей набралось совсем немного — в таком месте, как Синьти, теплая одежда без надобности.

Он засунул руку внутрь и пошарил на самом дне, нащупав мягкую материю. Его рука замерла у дна рюкзака, пальцы гладили лежавшую там вещь.

Он не собирался ее доставать. Это был белый шарф, невероятно плотный, кашемировый. Вещь, совершенно бесполезная в Синьти, служила ему чем-то вроде амулета-оберега.

Поглаживая шарф на дне рюкзака, он погрузился в задумчивость, гадая, какова на ощупь та лоснящаяся белая кошка, что разлеглась на диване.

— Эй!

От неожиданности Хэ Линьнань дернулся и вихрем выдернул руку, сердце едва не выпрыгнуло из горла. Он поднял голову и уставился на Кэлу:

— Ты чего!

— Не вздумай спрашивать брата Миня, откуда взялась эта кошка, — глядя на него, произнесла Кэла. — Не забывай.

— Твою мать, — простонал Хэ Линьнань. — Я только-только заставил себя забыть об этом.

Кэла моргнула:

— Короже, смотри мне, даже не заикайся.

Сказав это, она снова отвернулась к стене.

По правде говоря, работа, которую предложил ему Цинь Минь, была неплохой. Бои шли вовсе не круглые сутки — максимум три раунда утром и три после обеда, и в худшем случае они заканчивали уже через три часа.

Хэ Линьнань считал себя человеком, уважающим чужой труд, и уж точно не стал бы витать в облаках во время работы.

К тому же Цинь Минь страсть как любил носить одежду.

На тренировках с напарниками остальные обычно обнажали торс, но Цинь Минь всегда надевал верх, и голым его почти никогда не видели.

По воле случая это здорово облегчало жизнь Хэ Линьнаню, не оставляя ему поводов для отвлечения.

Вот только та белая кошка действовала Хэ Линьнаню на нервы.

Сначала в ней не было ничего особенного, но после предупреждения Кэлы стоило ему увидеть, как та виляет задом по комнате, в голове всплывало навязчивое: «только не спрашивай брата Миня, откуда она взялась».

У людей ведь как устроено: чем сильнее запрещают думать о белом слоне, тем отчетливее он представляется.

— Дзынь!

На экране компьютера всплыло уведомление о завершении передачи данных.

Хэ Линьнань махнул рукой седобородому тренеру, показывая, что видеозапись полностью отправлена.

Тут же завибрировал телефон. Перевернув его, Хэ Линьнань увидел, что звонит Угорь.

Угорь приходился родным братом Крабу. Когда Хэ Линьнаню срочно понадобились деньги на операцию для Хэ Сяоманя, он занимал именно у Угря.

Чего это он вдруг объявился?

Поразмыслив немного, он вспомнил запястье Краба, которое Цинь Минь с такой легкостью вывернул из сустава, и у него внутри всё оборвалось: неужели пришли разбираться?

Уезжать из Синьти он не собирался, а от такого местного авторитета, как Угорь, прятаться было бесполезно.

С этими мыслями он схватил телефон, вышел из клуба и перезвонил Угрю.

В трубке Угорь лишь предложил встретиться.

Как раз сегодня они закончили со всеми делами, и Хэ Линьнань с замирающим сердцем отправился в ростовщическую контору Угря.

Прибыв на место, он занервничал еще сильнее: Краб отжимался прямо на полу, а его братец Угорь охаживал задницу Краба бейсбольной битой со звуком «бах-бах».

Заметив вошедшего, Угорь замахнулся с еще большим энтузиазмом.

Нормальный человек, наверное, задался бы вопросом и тут же поспешил узнать, что здесь происходит.

Но Хэ Линьнань был не из нормальных. Он нашел складной стул, разложил его, уселся, закинув ногу на ногу, и стал наблюдать, как Угорь лупит Краба.

Лупил он по-настоящему: не считая того, что Краб орал белугой, глухие шлепки и вздувшиеся на лице Краба вены говорили сами за себя.

Угорь поднял глаза на Хэ Линьнаня, отвесил еще пару увесистых ударов, выпрямился и только тогда заговорил:

— Мой братец доставил тебе неприятности, он был неправ, и я проучил его за тебя.

Что за бред, они тут что, в начальной школе жаловаться бегают?

Хэ Линьнань ничего не понял.

Похоже, недоумение на его лице передалось и Угрю. Угорь протянул бейсбольную биту Хэ Линьнаню:

— Если у тебя осталась злость, можешь отлупить его сам.

Хэ Линьнань скользнул взглядом по бите и усмехнулся:

— Столько лет знакомы, не стоит.

Угорь продолжал упорно протягивать биту.

Чудес на свете не бывает, а единственной переменной здесь был Цинь Минь, поэтому Хэ Линьнань догадался, что дело наверняка крутится вокруг него.

Ха, до чего же влиятельным оказался Цинь Минь!

Впрочем, бить Краба он не собирался: избиение от Угря оставалось делом Угря, а если бы он сам приложил руку, то после того, как Цинь Минь отыграет турнир, выступит в шоу и покинет Синьти, разбираться с последствиями пришлось бы снова ему.

Он всё прекрасно понимал, но беда в том, что он сам был не совсем нормальным.

В крови всколыхнулся адреналин. Хэ Линьнань опустил закинутую ногу, выхватил биту, сделал резкий выпад к Крабу и изо всех сил опустил ее на того.

Краб оказался парнем живучим: получив пару ударов и сообразив, что так дело не пойдет, он вскочил на ноги и принялся носиться по всей комнате от преследовавшего его Хэ Линьнаня, во всю глотку вопя:

— Брат! Брат!

Брови Угря сошлись на переносице, но он не вмешивался, лишь опустил голову и закурил сигарету.

Спустя какое-то время, видимо окончательно потеряв терпение на это смотреть, он все же протянул руку и перехватил биту, которую держал Хэ Линьнань.

Хэ Линьнань дернул ее пару раз, но вырвать не смог и просто разжал пальцы.

Ладно, всё равно душу отвел. Глядя на перекошенное от боли лицо Краба, он подумал, что тот стал выглядеть даже симпатичнее.

Раньше он уже подкидывал Угрю подработку, и тот знал, что сорвать крупный куш с Хэ Линьнаня не выйдет, поэтому просто отмахивался. Но сейчас подвернулся отличный случай. Поразмыслив об этом, Хэ Линьнань достал телефон, открыл галерею, привычно смахнул экран вниз и открыл рисунок. Он набросал около сотни эскизов, но этот считал самым похожим.

— Поможешь мне найти одного человека. Картинку я тебе скину, найдешь — заплачу по твоему обычному тарифу.

С этими словами Хэ Линьнань сунул портрет прямо под нос Угрю, чуть ли не утыкая телефон тому в лицо.

Угорь отпрянул назад и, вглядываясь в изображение, произнес:

— Знакомое лицо, кажется, я его помню. Ты ведь уже как-то приходил и расспрашивал о нем во всех домах подряд?

Это был земляк его отца — именно этот человек заманил старика в Синьти легкими деньгами и устроил в подпольный бойцовский клуб. Хэ Линьнань только хотел назвать имя изображенного на рисунке человека, как услышал слова Угря:

— Его зовут Ли Фули, китаец. Верно?

— У памяти босса Угря можно только поучиться. — Хэ Линьнань улыбнулся и, уже собираясь уходить, притормозил и добавил: — Я ведь тоже с большим трудом подловил эту звезду. Найди его поскорее, и я из кожи вон вылезу, но заплачу тебе гонорар, а если провозишься долго, звезда уедет, и тогда мне даже одолжить денег, чтобы рассчитаться с тобой, будет негде.

— Понял.

Угорь, зажав в зубах сигарету, протянул руку и похлопал Хэ Линьнаня по плечу.

Как только Хэ Линьнань выбежал за дверь, Краб, массируя ушибленный зад, подошел к Угрю:

— Брат, ты что, серьезно позволил ему меня избить?

Угорь бросил на него косой взгляд:

— Иначе сам бы штраф плавал выплачивать?

Краб покраснел до корней волос и выдавил из себя:

— Это тот по фамилии Цинь подстроил мне западню!

Угорь затянулся:

— А нечего было паленую водку толкать, чтобы нас поймали?

Лицо Краба залилось еще большим румянцем, а в голосе прорезалось нескрываемое отчаяние и злость:

— Брат, ты ведь сам ее пробовал, тот рецепт от оригинала ничем не отличается, и сколько лет никто ничего не замечал! К тому же я человек осторожный, специально ждал, пока иностранцы в барах и отелях ужрется в хлам, и только потом подсовывал им подделку. Кто же знал, что этот Цинь Минь нас расколет!

Угорь тяжело выдохнул, вспоминая, как вчера Цинь Минь крутил в руке бутылку элитного алкоголя, демонстрируя ее камерам видеонаблюдения отеля.

В Синьти за продажу поддельного алкоголя полагались чудовищные штрафы.

Его братец Краб был прав: рецептуру они выкупили за огромные деньги у человека с ликеро-водочного завода, и они никак не ожидали прокола. Тогда ему пришлось опустить голову и бесконечно извиняться, пока от боли в горле не пропал голос, и лишь после этого они услышали, как Цинь Минь вежливо произнес:

— Признаете вину или отправитесь извиняться перед моим другом?

При воспоминании об этом человеке на душе становилось противно. Угорь потер плечо, силясь понять, каким образом Хэ Линьнань оказался связан с этой бойцовской звездой по имени Цинь Минь.

Достав телефон, Угорь окинул взглядом портрет, присланный Хэ Линьнанем, и, повернувшись к

Крабу, спросил:

— Как думаешь, какие у этих двоих отношения?

Краб загадочно ухмыльнулся:

— Брат, а ты знаешь, почему Цинь Минь, попав в TAS, с первого же матча вышел на чемпионский бой и взлетел за одну ночь?

Угорь отвесил Крабом затрещину по затылку:

— Хватит ломать комедию, говори толком!

— Сначала вышел документальный фильм! Назывался «Ясность», ты разве не смотрел его? Цинь Минь там главный герой, его снимали с раннего детств до подростковых лет, — воодушевленно затараторил Краб, вспоминая эпизоды из фильма, едва не срываясь на смех. — Сейчас-то он вон какой приличный из себя, а все же знают, каково этому пацанчику было, когда он еду у бродячих собак отнимал! Твою мать, ха-ха-ха…

http://bllate.org/book/34412/4242627